

---

## ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО: ЦИВИЛИЗАЦИЯ НА СТАДИИ «КОМФОРТНОЙ» ТОТАЛИТАРНОСТИ

Фатенков А. Н.\*

*В контексте современного состояния общества и доминирующих в нем технологий критически рассматриваются прошлое и настоящее тоталитарных стратегий. Осмысливается роль хаоса и тоталитарного толка спекуляций вокруг него. Проводится разграничение тоталитаризма и тоталитарности, под которой понимается его сущность и его завершенное состояние. Режим тоталитаризма стремится к осуществлению полного контроля над людьми, опираясь на практику массового террора. Режим тоталитарности обеспечивает полный контроль без широкомасштабных репрессий, опираясь на высокие технологии и очарованность людей комфортом. Вводится понятие «комфортной» тоталитарности. Оно, по версии автора, схватывает и выражает суть массового общества при гегемонии в нем цифровых технологий, аутентично воспроизводящих аналитичность новейшей науки и структурную матрицу капитализма. Эксплицированная формула «комфортной» тоталитарности: «безопасность любой ценой плюс максимум удобств равно контролируемости всего и вся». Проявляется роль либерализма, с его культом формального закона, в продвижении тоталитарного проекта. Вывод автора: сопротивление всем формам тоталитарности, особенно «комфортной», акт не столько социальный, сколько экзистенциальный.*

**Ключевые слова:** цифровое общество, тоталитаризм, тоталитарность, «комфортная» тоталитарность, хаос, контроль.

## DIGITAL SOCIETY: CIVILIZATION AT THE STAGE OF “COMFORTABLE” TOTALITARIANISM

*In the context of society's modern state and the dominance of technologies in it the past and the present of totalitarian strategies is critically considered. The role of chaos and totalitarian speculations about it is being conceptualized. A distinction is made between totalitarianism and totalitariness, the latter being understood as the very essence of totalitarianism, its advance, perfect state. Totalitarianism as a regime seeks to assert total control over the lives of people through mass terror practices. Totalitariness as a regime ensures total control without large-scale bloody acts, relying on the achievements of civilization in high technology and people's*

---

\* Фатенков Алексей Николаевич – д. ф. н., профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, профессор Приволжского исследовательского медицинского университета (Нижний Новгород). E-mail: fatenkov@fsn.unn.ru.

Alexey N. Fatenkov – Doctor of Philosophy, Professor at Nizhny Novgorod National Research State University named after N. I. Lobachevsky, Professor at the Volga Research Medical University (Nizhny Novgorod). E-mail: fatenkov@fsn.unn.ru.

*fascination with comfort. The concept of “comfortable” totalitariness is being introduced. According to the author, it captures and conveys the essence of mass society along with hegemony of digital technologies which authentically replicate the structural template of capitalism. The explicit formula of “comfortable” totalitariness is the following: “security at all costs plus as many amenities as possible is equal to the full control of all and everything”. The role of liberalism, with its cult of formal law, in promoting totalitarian project is being clarified. The author’s conclusion: the act of resistance to all forms of totalitariness, especially to a “comfortable” one, is rather existential than social.*

**Keywords:** digital society, totalitarianism, totalitariness, “comfortable” totalitariness, chaos, control.

### Несколько предварительных замечаний

Настоящим текстом автор планирует включиться в публичную дискуссию (широко ведущуюся в том числе на страницах «Века глобализации»), предмет которой – социально-культурные перспективы складывающегося цифрового общества [см., в частности: Иоселиани 2020; Бурьянов 2020]. В отличие от мнений уважаемых коллег, достаточно осторожно высказывающихся о негативных последствиях тотальной цифровизации, моя позиция здесь обостренно критична. И еще. Среди аргументов, приводимых мной, есть те, которые почерпнуты из литературных произведений: художественно-поэтические доводы нередко более глубоки, нежели те, которыми оперирует сциентистский дискурс [ср.: Чумаков 2021].

#### *От Ха́ос-а к хаосу, от великого к посредственному*

Ссылка на хаос, действительный или мнимый, привычна и очень удобна для продвижения тоталитарного проекта, возникающего и реализующегося в массовых обществах со свойственной им атомизацией индивидов, при определенном уровне развития науки и техники. Декларируемая цель проекта – устранение неразберихи, мешанины и установление нового порядка – неплохо маскирует цель непроговариваемую: стереть границу между хаосом и порядком, между подлинной и мнимой целостностью, создавая тем самым условия для абсолютной (уже буквально) власти «избранных». В этой связи сущность хаоса и характер спекулятивных операций с ней требуют прояснений.

Ха́ος древних есть господство стихий. И как всякое господство он являл собой не отсутствие порядка, а особую его разновидность. Возможно, самую совершенную в плане порождающего потенциала, и уж наверняка – единственную в своем роде, уникальную.

Внесем конкретику. Порождающий богов Гесиодов Ха́ος рождается, но не порожден. И он, темный и угрюмый, таков, что на краю его «медный порог самородный, / Неколебимый, в земле широко утвержденный корнями» [см.: Гесиод 2001], то есть стихия стихий содержит в себе, в своем пограничье, основной структурообразующий элемент мира. Философы, начиная с ионийцев, казалось бы, подчиняют Ха́ос Кόσμος-у. Однако... Гераклит иронично упрекает Гесиода в непонимании того, что День и Ночь – одно. Но если так, то Ха́ос и Кόσμος – тоже одно. И тогда на первый план выходит Раздор (Πόλεμος), который «отец всем общий, / и общий всем царь. / И одних богами объявляет он, других – людьми, / од-

них рабами сотворяет он, / других – свободными» [Гераклит 2012: 187]. *Πόλεμος*, скорее, не атрибут мерно (не хаотично) становящегося *Κόσμος*-а, а продукт диалектического синтеза онтологически предельного хаотического и онтологически предельного космического.

Властвуя над собой (больше изначально попросту не над чем), стихии ограничивают себя, превращая *Χάος* в *Κόσμος* – усовершенствованный порядок, но уже не эксклюзивный, а вариативно существующий. Он способен к трансформациям – но не к радикальному скачку, подобному тому, что привел к возникновению его самого. Он может и рассыпаться, но его обломки никакой порождающей силы содержать в себе не будут. *Χαος* после порядка есть собственно беспорядок. Вместо чреватого жизнью буйства стихий – никчемная суeta клочков и останков некогда бытийно значимого. Претенциозная попытка абсолютизировать такой хаос проистекает из замысла табуировать любой порядок и всякое необходимо сущее. Я не в защиту нормированной стабильности и априорной неизбежности – в защиту человека, которого соблазняют якобы отсутствием косных и фатальных ограничений его бытия. И против эпатирующих намеков на то, что все может превратиться во все что угодно. Великий *Χάος* – предмет эпических мифов и философских поэм. Ординарный, посредственный хаос – предмет исчерпавшей свой эвристический потенциал нововременной рациональности. Симптоматично, что И. Пригожин и И. Стенгерс в качестве метафизической подпорки своей теории самоорганизации апеллируют к тем талмудическим трактовкам Книги Бытия, согласно которым человеческий мир возник из обломков предшествующих неудачных попыток творения. На второсортный строительный материал возлагаются тем не менее «умеренные надежды» эволюционного характера. При этом утверждается: мир слишком хрупок, он рискует вновь обратиться в ничто [см.: Пригожин, Стенгерс 1986: 385]. Онтологически слабый (явно или неявно вторичный, производный от трансцендентных инстанций) хаос пасует перед допускаемым/постулируемым ничто. Онтологически сильному *Χάος*-у (последовательного имманентизма) ничто не указ.

Порядок, образующийся из немощного хаоса, никуда не годится и сам. Он или необоснованно мягок, или необоснованно жесток, или эклектичен. В любом случае он репрезентирует собой, словами М. Хайдеггера, эпоху скудно-бедствующего времени, которое «не в состоянии познавать даже свою убогость и скудость» [Хайдеггер 2017: 27]. Так, за либеральным фасадом пригожинской теории самоорганизации (в ней траектория движения системы после прохождения точки бифуркации более чем вариативна) преспокойно осуществляется, надо заметить, недвусмысленно тоталитарное намерение подвергать системы разного уровня сложности к одному набору дифференциальных уравнений, то есть – ни много ни мало – сциентистски редуцировать человека к вещи.

Здоровый строй (и жизни как таковой, и жизни общественной) возможен, вероятно, только при «возвращении великого *Χάος*-а»; реально – при столкновении людей с его близким подобием. Онтологически случайного в этом событии больше, нежели онтологически необходимого и закономерного. Иначе говоря (и переходя от метафизического плана к социальному), на пути к действительно справедливому общественному строю, если он в самом деле желателен и ожидаем (ведь на подступах к нему не исключены масштабные людские потери), челове-

ству суждено пережить встряску – и посильнее той, что обусловлена нынешней эпидемией.

После всей этой текущей истории с вирусом глубокой работы над ошибками, думаю, проведено не будет. Скорее, люди и те, кто претендует на руководство ими, ударятся во все тяжкие (удовлетворяясь скудным хаосом) или/и бросятся «закручивать гайки» (соблазнившись скудным порядком). Чем парировать? Уповать, в противовес судорожному разгулу и корыстно вводимым «сверху» запретам, на спасительность «объективных законов социально-исторического развития» смысла нет. Человеческий индивид – закономерно смертен. Человеческое общество, если оно еще чем-то напоминает живой организм, закономерно предрасположено к деградации, маскируемой до поры до времени прогрессом цивилизации. Догадка Ф. Ницше о противофазах мировой динамики [см.: Ницше 2005: 90] – цивилизационному подъему соответствует культурный провал – воочию подтверждается. (Культурное здесь то, что подпитывается волей к жизни; цивилизационное – то, что ее регламентирует и иссушает.) Существо социальное пошагово трансформируется в существо социотехническое. По меркам цивилизации это прогресс, по природно-культурным и экзистенциальным меркам – несомненный упадок, декаданс.

В рамках политико-идеологического дискурса (нынешнего – вне всяких сомнений) говорить о сильной онтологической нагруженности понятия «хаос» не приходится. Оно, с неоправданно восхваляемым или столь же неоправданно демонизируемым своим предметом, становится клишированным элементом примитивнейшей пропаганды.

В ситуации информационной войны всех против всех, а она сегодня налицо, номинальные антагонисты подыгрывают друг другу. Так, либерализм (идеология-гегемон в деидеологизированном мире), увязывая свободу с онтологически слабым, ущербным хаосом, оказывается в одной упряжке с записными душителями человеческой свободы, получающими в свое распоряжение спекулятивный, дважды спекулятивный повод ограничивать свободное волеизъявление людей в связи с «угрозой хаоса». Гибридные комбинации либерализма с клерикальным обскурантизмом, полицейско-олигархическим произволом и сциентистско-технологической оголтелостью трансгуманизма необъяснимо странными остаются лишь для стандартизированного сознания одномерной социальной персоны. А человеку, живущему своим умом, не составляет особого труда понять: присущий либерализму культ формального закона позволяет выстраивать кентаврические структуры любого сорта. На индифферентной ко всякому содержанию платформе калейдоскопически сочетаются самые разнородные элементы. Складывающаяся конструкция легко выворачивается наизнанку. И сама система юридически закрепленных норм, всегда обслуживающая прежде всего интересы правящего класса/клана, здесь не исключение. Из орудия противодействия циничному волюнтаризму она превращается в его пособника, а законность – в легитимную форму беззакония.

О нестабильности, хаотичности и непредсказуемости сегодняшнего мира говорится слишком часто, для того чтобы сказанное походило на правду. Декларируемая хаотичность обрамляется, как правило, тревожной тональностью. Однако стоит задаться вопросом: нестабилен, шаток сам теперешний мир или наши пред-

ставления о нем? Не стану отрицать определенного роста действительных, ненадуманных угроз, подстерегающих сейчас человека. Помимо широко освещаемых средствами массовой информации-дезинформации опасностей «политкорректных», нельзя не учитывать и иные. В частности, немалую вероятность столкновения изнеженного «цивилизованного» мира с технически оснастившимся религиозным фундаментализмом. Нельзя сбрасывать со счетов и мальтузианского толка опасность мировой толчеи: Земля, как и небезызвестный конь Боливар, всех желающих определенно не вынесет, а масштабная колонизация космоса в обозримом будущем так и останется (может, и к лучшему?) уделом научной фантастики. Да, извне обступающих человека нешуточных проблем хватает, однако я убежден, что серьезных проблем с сознанием, с ростом его неадекватности гораздо больше – и на уровне обыденного мышления, и, что печальнее, на уровне мышления с претензией на теоретичность и элитарность. Смешно, например, наблюдать, как статусные юристы и дипломаты призывают всех жить по правилам, словно не понимая, что сами они, праведы и служащие Посольского приказа, потому только и нужны, что писанные законы и ратифицированные договоренности постоянно нарушаются. Причина проста: формальное правило далеко не всегда справедливо и уж точно никогда не соразмерно тонким хитросплетениям жизни. Из той же серии: посмотрите на российских чиновников, которые (кто пошлячески, с мимикой пай-мальчика, кто с оскалом шпаны) обижаются, что сограждане не очень-то блюдут в период «самоизоляции» разработанные для них модели поведения. А поступают так люди, надо заметить, отнюдь не всегда по безответственности; нередко – исходя из вполне фундированного соображения, что сплошная оцифровка и тотальный контроль не менее вредоносны, чем вирусная инфекция.

Еще несколько иллюстраций к сказанному выше о разрухе в мозгах и о спекуляциях на действительных и мнимых угрозах.

Часто слышим: мир нестабилен, потому что стал однополярным. В определенном смысле так оно и есть: мир стал почти сплошь капиталистическим (социалистическая риторика Китая не должна вводить в заблуждение). Но нам-то, живущим в России, не на кого жаловаться и пенять, кроме как на себя: мы сами сдали, разрушили другой, некапиталистический полюс.

Наши официальные лица и официозные СМИ постоянно негодуют по поводу двойных стандартов в мировой политике, будто не замечая ни наличия двойных стандартов в политике внутренней (что куда более несправедливо), ни того, что определенная двойственность атрибутивно присуща социально-культурной реальности: жизненная оппозиция «свой – чужой» неотменяема.

С новостных лент не сходят сообщения о серьезных угрозах миру, исходящих от «международного терроризма». Но сколь же абстрактно очерчивается противник: борцы за свободу и независимость легко и конъюнктурно уравниваются здесь с религиозными фанатиками, а в действиях последних не различается их радикальное неприятие гламурного капитализма и светской культуры как таковой.

О собственно социальных корнях жестких порой, с очевидным классовым оттенком столкновений вообще ни полслова – вместо этого пропагандистская «нудьга» о вмешательстве извне, об эдаком компьютеризированном «опломбиро-

ванном вагоне». А чего вы хотите в интернет-эпоху, и не замечены ли сами в онлайн-манипуляциях?

Понятие эксплуатации табуируется сегодня, как будто его денотат остался вместе с многотомным марксизмом-ленинизмом в ушедшем тысячелетии. Ядовитая склейка душегубства и мироедства, продолжающая отравлять человеческую жизнь, лукаво сводится к случаю Родиона Раскольникова, с заведомо упрощающей проблему нервической фигурой персонажа, обстоятельствами его поступка и трагико-идиллическим финалом романа.

Умопомрачительна ситуация вокруг либерализма в России. Декларативно его чаще осуждают и противопоставляют «традиционным ценностям», но на деле существенная черта либерализма – уже упомянутый культ формального закона – ускоренно внедряется во все сферы общественной жизни, включая, увы, и сферу образования. Теперь и там приоритетная роль отводится сугубо формальным критериям оценки труда. Вовсе не важно, оказывается, в научном плане, что ты написал и насколько поняли написанное тобой, – с тебя спрашивают рейтинг издания и количество ссылок на твои публикации. В учебном плане тот же клин. Не так важно, оказывается, доверяют ли тебе студенты или не доверяют (а как без доверия передать им что-то содержательное и на что-то содержательное наставить?), – куда больший спрос на презентационную имитацию бурной деятельности и на перманентное переписывание «рабочих программ» для непрерывно меняющихся «образовательных стандартов», главная, если не единственная, причина быстрой смены которых – финансовая корысть министерских и околоминистерских структур. Впрочем, помимо элементарной наживы здесь с очевидностью просматривается еще одна цель: искусственно держать профессорско-преподавательский состав вузов в состоянии напряжения и неуверенности в завтрашнем дне.

Несуразицы нынешнего российского самосознания и его типических проявлений объяснить несложно. Наша страна по своим масштабам, человеческому и природно-территориальному, оправданно претендует на культурно-цивилизационное, а стало быть, и ментальное своеобразие. («Цивилизационное» здесь не антипод «культурного», а одно из понятий, служащих для обозначения относительно автономного устойчивого фрагмента человечества.) Но подлинного своеобразия сейчас нам явно недостает. После реставрации капитализма мы превратились в его ординарную часть, вся особенность которой, по сути, в примеси полуфеодалных черт.

Каковы общие, глобального уровня причины нарастающей деструкции, хатотизации сознания, отпадения его от реалистических основ, ускоренного сползания в иллюзорность, в область обмана и самообмана? Как ни парадоксально на первый взгляд, главная причина – в одолевавшем людей чрезмерном прагматизме, оборотной и синхронной стороной которого оказывается компенсаторное погружение в иллюзию. Избыточный прагматизм, мелочная расчетливость формируются вследствие некритического отношения индивида и тем более масс к функционирующим технологическим сетям. Каждый из нас вольно или невольно подстраивается под их режим. Итог удручающий: сознание прежнего человека, напичканное идеологией, было менее химерично, нежели сознание теперешнего

гиперпрагматика, нормирующего свое существование по принципу эффективности. Уже высказанные мною ранее критические соображения касательно пригодности этого принципа в качестве ориентира социальных устремлений [см.: Фатенков 2018] могут быть сфокусированы здесь в том тезисе, что эффективность достигает своих максимальных значений, когда сверхприбыли дают и операции с призрачностью. Симбиоз голой прагматики и безосновных фантазий поступательно ведет – по известному маршруту [см.: Кестлер 1989] – в тоталитарный тупик.

### ***О тоталитаризме и тоталитарности***

Имеет смысл различать *тоталитаризм* (тоталитарное общество, государство, строй, режим) и *тоталитарность*, выступающую его сущностью и его завершенным состоянием [см.: Фатенков 2006]. У них одна, указанная выше цель и один набор средств (приемов, орудий, инструментов) для ее достижения; различие между ними – в компоновке инструментария и в его контекстуальном ранжировании.

Из антиутопий (Евгений Замятин, Олдос Хаксли, Джордж Оруэлл), повествований признательных и разоблачительных (Артур Кестлер, Николай Нароков), из фундаментального теоретического труда Ханны Арендт, наконец, можно вывести основные – орудийного толка – характеристики тоталитарного строя. Таковых пять: 1) сплошной контроль над гражданами, включая интимную сферу их жизни; 2) массовые репрессии вплоть до физического уничтожения лиц, напрямую политикой не занимающихся; 3) подмена основополагающих человеческих ценностей эрзац-продуктом при обязательном добровольно-принудительном принятии поданными подобной подмены; 4) сведение многогранных, экзистенциально легированных смыслов к директивной однозначности, заменяемой, если так решат «избранные», другой директивной однозначностью; 5) исчисляемость всего и вся, редукция буквы к цифре, понимания – к калькуляции.

Террор и геноцид (пункт второй) в качестве средства утверждения и демонстрации абсолютной власти ставятся в тоталитарных экспериментах во главу угла до тех пор, пока отсутствует техническая возможность осуществлять всеохватывающий и всепронизывающий контроль. При достижении такой возможности практика уничтожения живущих может быть отправлена во вспомогательный арсенал. И даже обрекать на вымирание становится надоедливо архаичным. Теперь, по обновленной «дорожной карте», эффективнее обречь на нерождение, а рождающихся – на профильное, благодаря достижениям науки, психофизиологическое программирование.

Однако научная продукция вероятностна в своих результатах (и это никакими директивами не изменить). Не исключено, стало быть, появление индивидов «сбоем в программе». Поэтому надзор должен непрерывно совершенствоваться: внешнее слежение должно неуклонно трансформироваться во внутреннее без распознавания его инородности. Антураж меняется, но задача прежняя: «...до того людей довести, чтобы они, чуть только перед ними хомут поставят, сами бы в этот хомут полезли. Подчинение! Такое подчинение, чтобы он, сукин сын, даже и не думал, будто это он подчиняется, а думал, будто он по своей воле в хомут лезет, потому что в этом хомуте его счастье» [Нароков 1990: 35].

И ведь лезут – и это самое озадачивающее и настораживающее в успехах (нужно честно признать) тоталитарных поползновений. Об их расширяющейся экспансии свидетельствует, в частности, снижение планки социальной надежды и социального соблазна. Если раньше, в эпоху идеологий (борьбы нескольких из них) и проективного светлого будущего люди, надеясь, соблазнились обещанием *счастья* (и действительно, чем не пожертвуешь ради него!), то теперь, в достигнутом цивилизованным миром светлом настоящим, примитивно деидеологизированном (с единственной оставшейся идеологией), срабатывает упрощенный, прагматически ориентированный посул. Главные его составляющие – *безопасность* и *комфорт*.

**О «комфортной» тоталитарности и ее цифровой матрице**

По части удобств обещания, даваемые властью подданным, в целом выполняются. И не столько потому, что сдержать их легче, чем в ситуациях с безопасностью и счастьем, сколько по причине асимптотической близости инфраструктур комфорта и контроля. Бытовые удобства несомненно предполагают наличие определенного уровня защищенности. Комфортность, по шаблонным ожиданиям, вроде бы должна базироваться на безопасности, надстраиваясь над ней. Но вдруг выясняется, что комфорта, в общем, хватает, а безопасности явный дефицит. Людям одолевает тревога – пассивно суетная, предельно далекая от экзистенциальной тревоги, той, что пробуждает и поддерживает в человеке *мужество быть* (и с религиозной, как у Пауля Тиллиха, и с секулярной, светской подоплекой). Обывательски встревоженный индивид, напротив, готов пожертвовать остатками своей реальной свободы и самостоятельности ради нейтрализации действительных и мнимых угроз, тем более что эта его «жертвенность» сопровождается рекламируемым ростом комфорта. О параллельном усилении контроля его уведомляют, как обычно в рекламе, мелким шрифтом. Но жаловаться обывателю не стоит: он сам загоняет себя в ловушку «комфортной» тоталитарности. Ее эксплицитная формула: *безопасность любой ценой плюс максимум комфорта равно контролируемости всего и вся*.

Чем ближе горизонт чистой тоталитарности («комфортная» вариация – последняя из предшествующих ей форм, а может, уже и тождественная ей), тем меньше кровавых репрессивных акций, тем беспросветнее прозрачность контроля и немудренее податливость ему. То, что расплачиваться приходится девальвацией экзистенциальных ценностей, похоже, мало кого смущает. Индивиду, прельстившемуся тоталитарной распродажей комфорта, их уценка, наоборот, представляется выгодной сделкой. Получаемые дополнительные удобства расширяют перечень безответственных виртуальных свобод. Выдаваемая властными структурами страховка от жизненных угроз – на деле сомнительная, если не фальшивая – воспринимается с тем же бездумным облегчением.

Комфортное общество сегодня презентует себя – на технологический манер – как общество цифровое. Суть передовых технологий в том, что они – ради декларируемой минимизации потерь при передаче информации – работают не с непрерывным, а с дискретным сигналом. Подобным приемом достигается особая четкость общего контура передаваемого материала и высокая точность в воспроизведении каждой его детали. Но – и это как минимум – нет никаких гарантий того, что попутно не происходит деформации транслируемой целостности как целост-

ности, что удастся избежать прямых содержательных потерь исходного материала и засорения его привносимыми примесями, то есть дезинформацией. Процедура ведь такова: предназначенный для передачи гештальт дробится на мельчайшие части, полученная дробность транслируется, а затем, непосредственно перед демонстрацией, подвергается сборке. В означенных промежуточных технологических пунктах искажение изначального содержания более чем вероятно. Эти две точки, препарирования и монтажа, удобны для любых манипуляций со смыслами и образами: от использования фиктивно молодящего фотошопа до отождествления в двоемыслии свободы и рабства [см.: Фатенков 2020].

В цифровой матрице находит свое законченное технологическое выражение аналитичность нововременной науки. Политическим коррелятом осуществляющегося сциентистского проекта выступает тенденция к возникновению и совершенствованию тоталитарных форм. Ханне Арендт тоталитаризм, германский и советский, представлялся «заключительной стадией процесса, на протяжении которого... наука <стала> идолом, способным логически исцелить язвы существования и изменить природу человека» [Арендт 1996: 457]. Однако, как показывают нынешние научно-технологические и политические реалии, те формы тоталитарности, с весомыми еще авторитарными вкраплениями, не были финальными. Таковыми являются скорее теперешние ее – «комфортные» – вариации, в которых исчисляющее мышление и калькулируемая общественная практика становятся уже не предметом философской критической теории и пессимистического антиутопического прогноза, а чертами обыденности.

Пагубность оцифровки человека и его жизнедеятельности – одна из центральных сюжетных линий романов-предупреждений. Псевдоединое замятинское Мы – «счастливейшее среднее арифметическое»; его слагаемое, пронумерованный строитель Интеграла, силится рационализировать иррациональное, убеждая себя в том, что нет ничего счастливее «цифр, живущих по стройным вечным законам таблицы умножения» [см.: Замятин 1989]. Прагматично прессующие людей и, поклоняясь объективной логике, оговаривающие самих себя «стальные» персонажи «Слепящей тьмы» относятся к отдельным человеческим жизням и судьбам «в соответствии с правилами строгого счета» [см.: Кестлер 1989]. Оруэлловский новояз – калька со сциентизированного, легко сводимого к калькуляции, языка логического атомизма. Его разработчики намерены сделать «мыслепреступление» – ответственно-свободное мышление – попросту невозможным. «Каждое необходимое понятие будет выражаться одним-единственным словом, значение слова будет строго определено, а побочные значения упразднены и забыты. <...> С каждым годом все меньше и меньше слов, все уже и уже границы мысли» [Оруэлл 1989: 49–50].

Инновационно ослабленный ум гонит прочь ту мысль, что удобства компьютеризированного быта, расширяя какие-то возможности индивида, скрадывают его свободу. Глубокий тезис Х. Арендт – скачок от «все дозволено» к «все возможно» есть собственно тоталитарный скачок [см.: Арендт 1996: 572] – автоматически отправляется оцифрованным интеллектом в электронную мусорную корзину. Опрощенный, обленившийся рассудок всячески дистанцируется от осознания противоречивости во взаимоотношениях комфорта и безопасности, от допущения того, что, начиная с определенного момента, комфорт не только не

снижает для нас уровень угроз, но, напротив, повышает его. Причем преимущественно множатся угрозы, исходящие от недостойного противника.

Тоталитаризм, заявивший о себе в XX в., содержал еще заметные следы авторитаризма и сложился именно в странах с укорененной авторитарной традицией, в континентально-европейском социально-культурном ландшафте. Тоталитарность – конструкт либерального Запада и той части Востока, где инновационные технологии плотно легли на традиции деспотии. С авторитарным правителем, с его портретными и статуарными изображениями встречаешься на каждом углу. На деспота никто не смеет поднять глаза. Он есть – и его нет. Его смерть, случись она, ни на секунду ничего не изменит в социальном плане. Уход авторитарного лидера – всегда встряска для общества. Либерализм – с его культом закона как оборотной стороной неверия в человека – антагонистичен авторитаризму и протагонистичен деспотизму. Тоталитарность – это деспотия, оснащенная IT-технологиями и адаптированная к формату массового общества.

Так, поименованное общество складывается тогда, когда трагический период восстания, подъема масс, нашедший выражение, в частности, в формировании и крушении тоталитаризма XX в., сменяется инфантильно-парадоксальным периодом их *возвышенного падения*. Массовый человек поверхностно, суетливо активен – и глубоко ленив. Это оптимальный клиент для расползающейся по миру тоталитарности. Авторитаризм, а рудиментарно и тоталитаризм, еще нуждается в содержательно активной поддержке каких-то социальных слоев и групп. Тоталитарность – нет. Она выстраивается на презентационной, показной активности, прикрывающей сущностную бессодержательность и пассивность персон и ассамбляжей.

Человек массового общества вымуштрован незатейливой стандартизацией. Он ленится и боится мыслить. Почему? Опасается не найти доказательств, на систему которых можно переложить ответственность за пришедшую в голову идею. Считает, и напрасно, что каждая мысль нуждается в сопроводительной аргументации, зачастую к тому же отождествляя аргументированность с трафаретностью социальной риторики. Лениость ума – это страх перед мнимой неизбежностью доказательности и перед подлинной трудностью в различении того, что не требует доказательств в силу своей собственной состоятельности, а что – по причине своей неустранимой никчемности.

Мысль, страсть, поступок – все, вызывающее к личной ответственности, вызывает дискомфорт, потерю того, на что человек массового общества готов променять остатки свободы и самостоятельности. Чаемый комфорт сулят нынешнему обывателю адепты цифровой матрицы. И это ловушка, в которую он охотно лезет. IT-технологии не только потакают банальной лени и вычурности проектами «умных домов», «дизайнерских детей» и рекламой «сверхвозможностей», якобы даруемых чипизацией. Конструируемая ими виртуальная среда, позволяющая многократно переигрывать произведенные в ней операции, приучает к безответственности и поощряет ее. Сплошная оцифровка пространства человеческой жизнедеятельности должна завершиться выходом к точке сингулярности – к моменту и состоянию полной неразличимости реального и виртуального, человеческого и бесчеловечного, достойного и недостойного.

На исходе пандемического лета 2020 г. новостной строкой прошло сообщение о том, что Илон Маск представил публике чипированную свинью. И... оптимизма как-то прибавилось: до пресловутой точки сингулярности, стало быть, еще далеко. Вот если бы чипированная свинья представила Илона Маска...

Впрочем, ситуация продолжает оставаться погранично-тревожной. Человек, становясь придатком «умных» гаджетов [Goldberg 1996; Carr 2010], обрекает себя на цифровое слабоумие – психопатологию, распространение которой отмечают сегодня специалисты соответствующего профиля [см., в частности: Шпитцер 2014; Гринфилд 2021] и «консервативно» мыслящие философы. В социальном плане цифровизация человеческой жизнедеятельности ведет к экспоненциальному росту отчуждения, маскируемого паллиативной виртуальной коммуникацией. IT-вспоможение – отнюдь не дар, и уж точно не безвозмездный. Стратегически – это неисчерпаемый источник сверхприбыли страховых компаний, которые ждут не дождутся, «когда миллионы трансчеловеческих держателей страховых полисов будут наслаждаться неограниченной продолжительностью жизни...» [Пайн 2019: 259]. Финансовая корысть превалирует над содержанием инноваций и в тактическом измерении, уже сейчас. Так, от введения видеoarбитража в регламент спортивных состязаний выигрывают прежде всего букмекерские конторы, участникам же и зрителям соревнований грозит постепенная атрофия непосредственности эмоциональных переживаний, что явно способствует подгонке психики под параметры искусственного интеллекта.

Если вдуматься, цифровой инструментарий служит не столько экономии времени (для содержательного труда и творчества), сколько бессодержательной экономии его экономии. Иными словами, работает в угоду посредническим операциям, собственно и репрезентирующим структуру капиталистических отношений. Скорость исчисления и скорость оборота капитала подстегивают друг друга. Цифровое общество – это рафинированный капитализм, инновационный антураж которого прикрывает и изоциренные, и кондовые формы эксплуатации.

Внедрение функциональной матрицы IT-технологий в сферу общественной жизни ведет к стиранию границ между реальным и виртуальным, что, вместе с нарастающей тенденцией к неразличимости правила и исключения, чрезвычайно положения и нормы, структурно воспроизводит лагерную систему, как показывает Джорджо Агамбен [2011]. К этой идее итальянского интеллектуала стоит отнести серьезно, несмотря на двусмысленность его социальной позиции (на словах критикуя либерально-технократической строй, на деле он демпфирует его критику) и невзирая на обнаруживаемую на страницах «Homo saseg» теоретически и практически сомнительную редукцию человека к так называемой «голой жизни».

Новые технологии индуцируют общественный недуг, который Зигмунт Бауман и Леонидас Донскис квалифицируют как «бархатный» тоталитаризм: речь идет о «подконтрольной форме манипулирования сознанием и воображением, которую выдают за либеральную демократию, благодаря чему удается поработить и контролировать даже критиков» [Бауман, Донскис 2019: 25]. Авторы любопытной книги-диалога с удивлением и сожалением пишут о неспособности либерализма противостоять тоталитарным угрозам. Но чему удивляться? Либеральная деспотия закона, деперсонифицирующая социальную среду, есть одна из ва-

риаций деспотизма. И декларируемые либерализмом права многочисленных меньшинств есть лишь неизбежная уступка и ширма для сохранения в неприкосновенности недеклаируемых прав одного-единственного меньшинства – господствующего слоя, который, прагматично жертвуя отдельными своими единицами, преспокойно мигрирует своим ядром из одной властной институции в другую. Инновационные инструменты, безусловно, ему в помощь: для имитации бурной деятельности во благо общества, для фабрикации успехов и подтасовки нужных результатов, наконец, для банальной слежки за согражданами.

Кори Пайн, уже цитировавшийся исследователь подноготной IT-корпораций, резюмирует: «Заработок становится все теснее связан с игрой по правилам техиндустрии, из чего следует неизбежная торговля собой. Ни для кого не секрет, что электронные прислужники Кремниевой долины следуют за нами всюду прямо в кармане. <...> Нас клеймят и отслеживают как телят и коров, лишенных какой-либо значимости, и тыкают тысячами срочных, но бессмысленных приказов, возникающих из ниоткуда» [Пайн 2019: 293]. Узнаваемая картина, не правда ли, и не только из свидетельств о «тамошних нравах».

Цифровое общество – это капитализм, функционирующий в режиме «комфортной» тоталитарности. Когда востребован не индивид, а марионетка, мнящая себя сверхиндивидом – в чем лукаво содействуют ему новые технологии. Когда качество жизни редуцируется к ее удобствам. И когда их купля-продажа, а не открытое принуждение и насилие, позволяют достичь полного контроля над людьми.

Сможет ли наша страна выбраться из затягивающейся инновационной тоталитарной петли? У России как *alter ego* нелиберальной Европы шансы есть. У России капиталистической – шансов нет. Еще важнее понять: сопротивление всем формам тоталитарности, особенно «комфортной», акт не столько социальный, сколько экзистенциальный.

### Литература

- Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М. : Европа, 2011.
- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М. : ЦентрКом, 1996.
- Бауман З., Донскис Л. Текучее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2019.
- Бурьянов М. С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации // Век глобализации. 2020. № 3(35). С. 54–70.
- Гераклит Эфесский. Все наследие на языках оригинала и в рус. пер.; крат. изд. М. : Ад Маргинем Пресс, 2012.
- Гесиод. Полное собрание текстов. М. : Лабиринт, 2001.
- Гринфилд С. «Ребенок, воспитанный на социальных сетях, теряет способность к сопереживанию» (интервью порталу Theory & Practice) [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/3539-syuzan-grinfeld-rebenok-vozpitannyy-na-sotsialnykh-setyakh-teryaet-sposobnost-k-soperezhivaniyu> (дата обращения: 19.04.2021).
- Замятин Е. И. Мы / Е. И. Замятин // Избр. произведения. М. : Советский писатель, 1989. С. 547–680.
- Иоселиани А. Д. Глобальное цифровое общество и социальная адаптация к онлайн-повседневности // Век глобализации. 2020. № 2(34). С. 62–71.

- Кестлер А. Слепящая тьма. М.: ДЭМ, 1989.
- Нароков Н. Мнимые величины // Дружба народов. 1990. № 2. С. 9–187.
- Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М. : Культурная Революция, 2005.
- Оруэлл Дж. 1984 / Дж. Оруэлл // 1984. Ферма животных. М. : ДЭМ, 1989. С. 11–243.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986.
- Пайн К. Живи, вкальвай, сдохни. Репортаж с темной стороны Кремниевой долины. М. : Индивидуум, 2019.
- Фатенков А. Н. Эффективность как ложный ориентир развития общества? // Социологические исследования. 2018. № 7(411). С. 135–145.
- Фатенков А. Н. Культурофильство против этатизма, автократия против тоталитарности // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8. № 1. С. 290–301.
- Фатенков А. Н. С цифровыми технологиями – в бесчеловечное будущее // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1(49). С. 217–219.
- Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гельдерлин. Рильке. Трагль. М. : Водолей, 2017.
- Чумаков А. Н. Глобальный мир с литературной точки зрения (на основе творчества М. И. Веллера) // Век глобализации. 2021. № 1(37). С. 32–44.
- Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг. М. : АСТ, 2014.
- Carr N. The Shallows: What the Internet is Doing to Our Brains. New York : W. W. Norton, 2010.
- Goldberg J. Internet Addiction Disorder // CyberPsychological Behavior. 1996. Vol. 3. No. 34. Pp. 403–412.

### **References**

- Agamben G. Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn' [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life]. Moscow : Evropa, 2011.
- Arendt H. Istoki totalitarizma [The Origins of Totalitarianism]. Moscow : TsentrKom, 1996.
- Bauman Z., Donskis L. Tekuchee zlo: zhizn' v mire, gde net al'ternativ [Liquid Evil]. Moscow : Ivan Limbakh, 2019.
- Buryanov M. S. Global'nye tsifrovye prava cheloveka v kontekste riskov tsifrovizatsii [Global Digital Human Rights in the Context of Risks of Digitalization] // Vek globalizatsii. 2020. No. 3(35). Pp. 54–70.
- Heraclitus. Vse naslediye na yazykakh originala i v rus. per. [All Works in Original Languages and in Russian Translation]; fragments. Moscow : Ad Marginem, 2012.
- Hesiod. Polnoe sobranie tekstov [Complete Works]. Moscow : Labirint, 2001.
- Greenfield S. «Rebyonok, vospitannyy na sotsial'nykh setyakh, teryayet sposobnost' k soperezhivaniyu» (interv'yu portal Theory & Practice) [“A Child Raised on Social Media Loses the Ability to Empathize” (Interview with Theory & Practice Portal)]. URL: <https://>

theoryandpractice.ru/posts/3539-syuzan-grinfeld-rebenok-vospitannyy-na-sotsialnykh-setyakh-teryayet-sposobnost-k-soperezhivaniyu (accessed: 19.04.2021).

Zamyatin E. I. My [We] / E. I. Zamyatin // Izbr. proizvedeniya [Selected Works]. Moscow : Sovetskiy pisatel', 1989. Pp. 547–680.

Iosseliani A. D. Global'noe tsifrovoe obshchestvo i sotsial'naya adaptatsiya k onlayn-povsednevnosti [Global Digital Society and Social Adaptation to the On-Line Reality] // Vek globalizatsii. 2020. No. 2(34). Pp. 62–71.

Koestler A. Slepyashchaya t'ma [Darkness at Noon]. Moscow : DEM, 1989.

Narokov N. Mnimyye velichiny [Imaginary Values] // Druzhba narodov. 1990. No. 2. Pp. 9–187.

Nietzsche F. Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostei [The Will to Power]. Moscow : Kul'turnaya Revolyutsiya, 2005.

Orwell G. 1984 [Nineteen Eighty-Four] / G. Orwell // 1984. Ferma zhivotnykh [Nineteen Eighty-Four. Animal Farm]. Moscow : DEM, 1989. Pp. 11–243.

Prigogine I., Stengers I. Poryadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoy [Order Out of Chaos: Man's New Dialog with Nature]. Moscow : Progress, 1986.

Pein C. Zhivi, vkalyvay, sdokhni. Reportazh s temnoy storony Kremnievoy doliny [Live Work Work Work Die: A Journey into the Savage Heart of Silicon Valle]. Moscow : Individuum, 2019.

Fatenkov A. N. Effektivnost' kak lozhnyy orientir razvitiya obshchestva? [Effectiveness as a False Landmark of Development?] // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2018. No. 7(411). Pp. 135–145.

Fatenkov A. N. Kul'turofil'stvo protiv etatizma, avtokratiya protiv totalitarnosti [Culturalism versus Etatism, Autocracy versus Totalitariness] // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2006. Vol. 8. No. 1. Pp. 290–301.

Fatenkov A. N. S tsifrovymi tekhnologiyami – v beschelovechnoe budushchee [With Digital Technologies – into an Inhuman Future] // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2020. No. 1(49). Pp. 217–219.

Heidegger M. O poetakh i poezii: Gel'derlin. Ril'ke. Trakl' [On poets and poetry]. Moscow : Vodolei, 2017.

Chumakov A. N. Global'nyi mir s literaturnoi tochki zreniya (na osnove tvorchestva M. I. Vellera) [The Global World in Terms of Literature (by the Example of M. I. Weller's Works)] // Vek globalizatsii. 2021. No. 1(37). Pp. 32–44.

Spitzer M. Antimozg: tsifrovyye tekhnologii i mozg [Anti-brain. Digital Technology and Brain]. Moscow : AST, 2014.

Carr N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. New York : W. W. Norton, 2010.

Goldberg J. Internet Addiction Disorder // CyberPsychol. Behavior. 1996. Vol. 3. No. 34. Pp. 403–412.